

ТВОЙ НЕ ЛЮБИМЫЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

18+

Ульяна Соболева

Твой не любимый

«Ульяна Соболева»

2023

Соболева У.

Твой не любимый / У. Соболева — «Ульяна Соболева», 2023

Она изуродовала мою жизнь, она изуродовала мое тело, душу и разворотила мне сердце. Она украла у меня будущее. Но именно это и привязало её ко мне навсегда.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ульяна Соболева

Твой не любимый

Глава 1

– А где папа?

Я улыбнулась Полине и погладила ее по голове. Моя маленькая девочка, одетая в легкое пальтишко, красную береточку, сжимающая вы руках любимую куклу. У меня на плече ее рюкзачок и моя сумка, мы стоим у стойки в аэропорту. Все как я себе и представляла, все как я и готовила очень долгие месяцы. Наконец-то я почти у цели и моя девочка теперь будет навсегда со мной.

– Папа работает, но он скоро к нам приедет. Ты же хочешь путешествовать и полететь со мной на этом большом самолете?

Я указала пальцем на огромную «белую птичку», которая ждала нас на взлетной полосе, пока мы проходили паспортный контроль.

– Прямо в небо? Очень высоко? Вот туда? – малышка показала пальчиком вверх, и я кивнула.

– Очень высоко. Ты увидишь облака и дома станут маленькими маленькими, как игрушки.

– А почему мы не взяли с собой папу? Я хотела с папой. Он бы тоже взлетел с нами высоко, и я бы показала ему облака.

– Папа потом приедет. Обязательно.

Я нервничала и посматривала на часы. Все должно уже быть закончено. Я потом буду оплакивать, потом буду сжирать себя и сходить с ума от боли. Сейчас я должна забрать свою дочь и уехать. Я этого хотела. Именно к этому я стремилась. Моя месть состоялась. Ты отмщена, мамочка. Мне больше не будет стыдно приходить к тебе на могилу. Я сделала то, что должна была сделать. Я собрала в кулак свои эмоции, я заставила свое сердце не биться и наказала всех, кто причинил мне боль. Но у меня не было выбора. Или он или моя дочь. И я выбрала своего ребенка. Я бы всегда выбрала только ее. Потому что у меня больше никого нет. Салтыков мне никто. Он ненавистный палач и я не простила ему ни смерти мамы, ни побоев, ни моего бесплодия. Я не простила ему своей вывернутой наизнанку жизни и никогда не прощу. Он заслуживает оказаться в аду. Потерять все, что ему было дорого.

Я наслаждалась его страданиями, когда он рассказывал мне о матери.

– Она ничего не слышит. Я прихожу к ней, а она словно смотрит в никуда. Не говорит ни слова. Не реагирует, когда я ее зову. От прежней матери ничего не осталось и мне даже не хочется идти к ней.

Он говорит, а я сдерживаюсь чтобы не заорать, что я к своей хотела идти, что моя умирала в обычной клинике, на старой поломанной кровати, у меня не было денег на ее лечение. Он лишил меня этих денег. Он убил мою мать.

Теперь он останется без компании, без своей любимой машины, без своей матери, без дочери. Пока разберется со всем этим мы будем уже далеко. Ты теперь больше не хозяин Салтока, Владик, ты теперь никто. Соскребай себя из того дна, в котором я была когда-то...хотя нет, ты никогда не окажешься в таком дне. У тебя все равно есть твои деньги, есть твои связи. Ты выкрутишься. Просто займет время, просто получишь хорошую оплеуху от жизни, получишь под дых, а еще по яйцам. Думаю, ты еще долго не будешь доверять женщинам. Интересно твоя...как ее там? Регина. Она захочет выйти замуж за банкрота?

Только бы не успел нас найти, только бы не успел схватить нас до того, как мы вылетели под другими именами. Разбирайся со своим проклятым Салтоком. У нас есть фора.

От одной мысли об этом тут же начинало темнеть перед глазами и дрожать колени. Но я сгребала себя в единое целое, я стояла в зале аэропорта держа свою дочь за руку и ждала рейса в Мексику. Там было уже все готово. Куплен великолепный дом, машина, найден штат лучших слуг, наняты самые прекрасные няни, готова детская и площадка с качелями и горками. Рай... который скорей всего стал бы для меня адом, потому что я продолжала любить своего проклятого плача, недостойного даже смотреть в мою сторону. В мою и сторону моей дочери. Но не сейчас, когда я была так близка к цели. Сейчас я не стану даже думать об этом.

Не знала, что там происходит. Запретила Паше писать мне и звонить. Он закрыл фирму, закрыл счета и так же выезжал за границу, распродав все акции, он перевел деньги на заграничные счета и теперь покидал страну, но из другого аэропорта и из другого города. Мы пересечемся позже. Сейчас нельзя.

– Алина Сергеевна Суворова?

Я вздрогнула и резко обернулась. Передо мной стоял человек в костюме и два полицейских. Он показал мне документы и все тело покрылось ледяными мурашками. Только не сейчас. Только не это, не здесь. Не тогда, когда я близка к цели!

– Пройдемте со мной, вы арестованы!

– Как арестована? За что?

– Вам озвучить это при ребенке? Уверены?

Отрицательно качнула головой и увидела, как какая-то женщина в форме хватается Полину за руки.

Она плачет вырывается, но ее уносят в сторону коридора.

– Пройдемте с вами, вас обвиняют в убийстве!

– В убийстве?

Мои глаза округляются, и я судорожно хватаю ртом воздух, у меня немеют кончики пальцев и становится трудно дышать. Я все еще смотрю вслед Полине и той женщине, которая ее унесла. Мне кажется, я слышу, как она плачет.

– Но кого?

– Владислава Макаровича Салтыкова!

В этот момент уже поплыла я сама... перед глазами потемнело, и я словно погрузилась в вязкую бездну.

– Пройдемте, прежде чем вас начнут допрашивать нам нужно поговорить. – голос прозвучал совсем рядом, и я оглянулась на человека, который стоял передо мной, сжимая в руках кожаный портфель.

После двух часов, проведенных в участке, я согласна была разговаривать с кем угодно, даже с самим дьяволом. Потому что мне никто так не объяснил правду ли сказали полицейские. Мне было страшно, что это не блеф, не обвинения, а по-настоящему. Его кто-то убил. Такое ведь могло быть и кому как не мне не знать сколько врагов может быть у владельца Салтока. И от одной мысли, что его ...его может не быть, что это правда у меня темнело перед глазами и подгибались колени. Сердце сдавливалось липкими щупальцами страха и перехватывало дыхание. На меня накатывала паника как когда-то после смерти мамы. Но я старалась держать себя в руках. Старалась не дать всепоглощающему ужасу и тревоге овладеть мною. Использовала методы медитации. Отключаясь от посторонних звуков и уходя в себя. Я должна держаться. Ради Полины. Ее сейчас где-то удерживают и больше всего я хочу забрать мою девочку. Это все недоразумение. Какой-то бред.

Поэтому я была бы рада даже Сатане.

Но передо мной был плюгавенький, низкорослый мужчина лет шестидесяти с округлым брюшком, но при этом в очень дорогой одежде с запахом утонченного парфюма. Запах – это

то, что многое может сказать о человеке. А я разбиралась в этом очень хорошо, как и в одежде. Передо мной довольно состоятельный человек.

– Кто вы?

– Я адвокат. Мне поручено говорить с вами.

– Кем поручено?

– Мы это обсудим наедине. Идемте. Нам любезно предоставили отдельное помещение.

Он взял меня под локоть и увлек по коридору, за нами последовал надзиратель. Он открыл помещение и впустил нас обоих в тесную, но аккуратную комнату, закрыл дверь на засов с другой стороны и мы остались наедине с адвокатом. Он мне почему-то напоминал доктора. Маленький, юркий и в то же время с брюшком. Над верхней губой тонкие усики в стиле Эркюля Пуаро, не хватает только пенсне и веса.

– Эдуард Михайлович Ластовцев.

– Вас наняли быть моим адвокатом?

– Нет. Я не ваш адвокат. Я адвокат Владислава Макаровича Салтыкова.

– Он жив?

– Вашими молитвами! Садитесь!

Указал мне на стул и я буквально рухнула на него. После железной скамейки он мне казался просто треном.

– Что с Владом?

– А что может быть с человеком машина которого была напичкана тротилом и взорвалась едва он к ней подошел?

Я судорожно глотнула воздух, но дышать было не чем. В груди стал ком. Он преградил мне возможность делать вздохи.

– Черепномозговая травма, рваные раны, оторванные пальцы левой руки, правая нога готовится к ампутации, частичный паралич нижней части тела.

– Боже... как так? Как? – я смотрела на адвоката и у меня дрожали руки, меня всю коло-тило как в лихорадке, казалось зуб на зуб не попадает. Мне вдруг стало очень холодно, как будто температура воздуха упала ниже нуля.

– Ну вам ли удивляться. Разве не вы принесли взрывчатку в его машину? Вы же на ней приехали!

Горло перехватило как будто чьей-то ледяной рукой, и я застыла на месте. Тяжело дыша и глядя на бесстрастное лицо адвоката.

– За это вы сядете. Как минимум лет на десять, как максимум лет на двадцать. Ваши отпечатки пальцев, камеры. Везде запечатлены именно вы. Не знаю каким образом вы собира-етесь утверждать, что это сделал кто-то другой...

– Я не клала в машину взрывчатку! Я приехала на ней... да.

Он положил перед моим носом сотовый телефон и включил.

– Это запись с камер. Из машины выходите именно вы. Никто больше к ней не подхо-дил... только Влад чуть позже.

– Это не я.

Застонала и схватилась рукой за горло. Паника накатывала все сильнее. Да, я отправила под откос Салток, да, я нанесла ущерб его компании и собиралась украсть у него дочь. Но я не убивала его! И никогда бы не смогла убить! Хотела! Да! Могла мечтать о том, как вырву его подлое сердце, но не смогла бы потому что люблю этого ублюдка.

– Понимаете... я бы не смогла я бы...

– Довольно! Все это мне не интересно! От слова совсем! Я здесь по другому поводу!

– По какому?

– Вы хотите сесть на пятнадцать лет и больше никогда не увидеть свою дочь?

– Нет! – вскрикнула и сдавила собственную шею. Потому что начала задыхаться.

Адвокат равнодушно подал мне стакан воды.

– Вы подпишите контракт. Брачный. По которому вы обязуетесь пожизненно ухаживать за Владиславом Салтыковым, быть рядом с ним двадцать четыре часа в сутки, ухаживать за ним так как потребуется, выполняя все обязанности сиделки и няньки, а также все обязанности его жены.

Без его ведома вы не можете выйти даже из дома, вы не можете вздохнуть и чихнуть. Все вопросы о воспитании ребенка решает только Владислав Макарович. Любое предательство с вашей стороны будь то измена или вред компании будут жестоко наказаны. Вы лишитесь всего, вы лишитесь дочери.

Пока он говорил я все еще ощущала адский ком в горле, делала вдох за вдохом. Вода не помогала. Я сжимала пальцами столешницу. Но не чувствовала их.

– Все ваше имущество движимое и недвижимое будет принадлежать отныне только вашему мужу. До копейки. Золото, наличность, вклады. Все вы перепишите на его имя. Вендикта полностью сольется с Салтоком и станет его филиалом. Либо вы соглашаетесь. Либо вы отсюда выйдете только через пятнадцать лет. И кто знает, выйдете ли... Мне нужен ответ прямо сейчас. Здесь. И тогда все обвинения с вас будут сняты.

Сделав несколько глотков воды и стуча зубами по стакану, я переводила дыхание. У меня не было времени подумать.

– Мой брат...

– Его никто не тронет. Более того Салток возьмет заботу о нем на себя.

– Я согласна.

И закрыла глаза. Шах и мат. Он сделал меня. Проклятый Салтыков. Он меня сделал. Я проиграла. Я снова никто и ни с чем стою перед ним на коленях! И у меня нет ни единого шанса отказаться!

Глава 2

Мне было страшно туда ехать. Внутри все дрожало и переворачивалось. Я просто не могла поверить, что все это могло произойти с ним и со мной. На меня обрушилась вся эта новость как какой-то удар по ребрам в солнечное сплетение, когда не можешь вздохнуть, не можешь даже закричать. В отделение за мной приехал парень с бородой. Крепкого телосложения, очень молодой. Мне кажется моложе Влада. Но я заметила на нем кобуру с пистолетом, заметила его сильные, накачанные руки и ноги. Он был похож на молодого зверя, готового рвать глотку за своего хозяина. И он приехал доставить ему добычу. Меня.

– Меня зовут Богдан. Я буду вас сопровождать.

– Куда?

Тихо спросила я, видя, как он ловко запихивает мой чемодан в машину и подает мне сумочку, которую ему явно отдали в ментовке.

– В больницу, конечно. Вас там ждут.

Села сзади, обхватив себя за плечи. Немного лихорадит, мозг ничего не соображает. Мне нельзя в больницу. Там я буду очень плохо себя чувствовать. После смерти мамы у меня боязнь больниц.

– Где моя... где Поля?

– За Полиной приехал водитель и няня ее отвезли домой. Не переживайте.

Какой-то он вежливый со мной. Тяжело дыша, смотрю в окно. Уже вечер. Меня продержали в участке допоздна. Не знаю готова ли я сейчас к встрече с Владом. Я слишком растеряна. Я разбита. Я не знаю. Что сказать ему, я не знаю готова ли я все это увидеть, готова ли я ощутить волну его боли на себе, не захлебнусь ли ею.

– Сигарету?

– Да, если можно.

Протягивает мне сигарету и зажигалку. Я кручу ее в руках, потом возвращаю ему.

– Я не курю. Бросила. Но иногда очень хочется. Все же не буду.

Усмехнулся, положил обратно в пачку. В машине играет какая-то музыка, приятно пахнет лимоном. Немного сбивает с толку нормальное отношение. Я ждала чего-то другого. Наверное, какого-то нападения, насилия над собой, принуждения. Хотя зачем меня принуждать. Мне уже все озвучили. И я приняла условия сделки.

– Как... он?

– Сейчас сами увидите. Паршиво на самом деле.

– Все так как рассказывал мне... тот человек?

– Адвокат? Да, все так.

Бросил на меня взгляд через зеркало и снова на дорогу. Все оставшееся время мы ехали в тишине.

Клиника частная, в пригороде, обнесена высоким забором. Не удивительно вряд ли бы он лежал в обычной городской. Снова вспомнила свою маму в четвертой неотложной, про мерзкое отношение врачей, про страшную реанимацию и стало не по себе. От одного вида больницы. Долго я отходила от всего этого. Антидепрессанты, нейролептики, психиатры. Мамина смерть мне далась очень тяжело и болезненно.

– Идемте, накиньте халат.

Я прошла за ним по массивной лестнице главного входа, потом поднялась в лифте на третий этаж. Везде чистота, ослепительная белизна и тишина. Только где-то пищат приборы и мед аппаратура.

Прошли по широкому коридору, свернули за угол и остановились напротив палаты.

– Вам сюда.

Приоткрыл дверь, впуская меня внутрь. Я судорожно глотнула воздух и вошла. Запах лекарств ударил в нос. Тусклый свет, приборы возле кровати. Влад весь опутан проводами, прикрыт простыней. Он бледный до синевы, цвета постельного белья. Глаза закрыты, голова замотана. Левая рука забинтована до локтя. На щеке шитая рана, как и на шее. Обернулась на Богдана, он кивнул и закрыл дверь с другой стороны. Сердце болезненно сжалось, стало трудно дышать. Никогда его таким не видела, беспомощным, поверженным. От одной мысли какую боль он сейчас чувствует слегка затошнило. Медленно подошла к постели, всматриваясь в черты лица и чувствуя, как все сжимается внутри, как хочется броситься к нему, поцеловать эти губы, убрать прядь волос со лба. Вместо этого я сжимаю руки до боли в костяшках и просто молча смотрю.

– Откинь простыню.

Говорит с закрытыми глазами, не глядя на меня. Голос глухой и видно, что говорить ему тяжело. Я не могу пошевелиться, и он уже почти кричит, но очень хрипло.

– Откинь я сказал!

Подхожу и медленно отбрасываю простынь тут же вскрикиваю, отшатываясь назад при виде перебинтованной культи.

– Ну как нравится? Нравится я спрашиваю?

– Влад...

– Просто отвечай на вопросы. Тебе нравится, сука, то, что ты сделала?

– Я этого не делала.

– Ни слова оправдания. Я знаю. Что это ты. Знаю. Не лги. Я накажу за ложь так, что ты... ты пожалеешь. Отвечай на вопросы. Тебе нравится?

Выкрикнул последние слова так что дернулась кровать, и я закрыла глаза, чтобы не видеть его перекошенное лицо.

– Нет!

– А придется вот с таким одноногим жить, поняла? Горшки выносить пока я здесь лежу, мыть, одежду менять. Готова?

Что мне ему ответить. Я не знаю. Мне больно вместе с ним. Да, я желала его краха, но я не желала ему смерти и таких страданий. Я бы никогда не смогла причинить ему такую боль. Даже из мести. Потому что... потому что несмотря ни на что я люблю этого палача. Даже сейчас, даже вот такого и мне страшно, что я это испытываю.

– Не готова. Нет. Ты даже не была готова на кладбище приехать меня похоронить. Ты смылась. Трусливая тварь. Ты просто смылась с моей дочерью, а меня убила.

– Я этого не делала! – тихо, не открывая глаза, стараясь не разрыдаться.

– Делала. Ты последняя кто был в машине. Это видно по камерам на парковке. Долго готовилась? Планы мести вынашивала, мечтала. Мать ты уложила в кому?

– Нет. Я ее не трогала. У меня были другие намерения.

– Лжешь, сука...опять лжешь.

Заскрипел зубами и датчики на его приборах запищали. Прибежала медсестра.

– Вам лучше уйти, – обратилась она ко мне.

– Никто никуда не уйдет. Знакомьтесь завтра эта женщина станет моей женой, и она будет ухаживать за мной. Ее зовут Алина. Да, Алина. Ты ж теперь будешь постоянно здесь? Рядом?

Кивнула и снова сцепила пальцы. На меня наваливалась тьма, адская тоска, паническая атака. Я не могла находиться в больнице. Это вызывало во мне искренний ужас.

– Я... я не могу!

Выкрикнула и выбежала из палаты, побежала по лестнице и у самого выхода меня поймал Богдан. Схватил крепко и сдавил мои плечи.

– Я был учтив только потому что завтра ты станешь его женой. Только потому, что ОН хочет, чтобы я был учтив, только потому что он ...хочет, чтобы ты была рядом. Но если ты еще раз попробуешь свалить я тебе ноги переломаю, и ты ляжешь рядом. А потом...ты сядешь хромая в тюрьму. Так что взяла, развернулась и пошла обратно. Ты отсюда выйдешь, когда он разрешит. Поняла?

Толкнул меня к входу, и я глотнула побольше воздуха. Встала, закрыв глаза, пытаюсь собраться, пытаюсь заставить себя успокоиться. Я должна. Ради себя, ради дочери. Я должна справиться.

Медленно пошла обратно, поднялась на лифте, чувствуя, как по спине сползают капли пота.

Снова открыла дверь палаты и вошла. Раздался смех, и я поморщилась от того, как хрипло и отчаянно он прозвучал. Триумфально, да. Но это триумф на собственных костях.

– Бодя умеет быть убедительным, правда? Тебе принесут топчан. Ты даже сможешь здесь спать.

– Я буду видеть Полю?

– Конечно. Теперь ты будешь жить в моем доме. С ней вместе. Кстати, завтра у нас свадьба. Кольца уже куплены.

Глава 3

Никакого платья, никаких свидетелей. Сначала процедура росписи, потом процедура венчания с батюшкой, который практически ни о чем не говорил с нами. Самое неистовое чего я когда-то хотела – это стать женой Влада. Я мечтала об этом, я грезила как надену белое платье, фату, красивые туфли. Как он поднимет меня на руки и отнесет к машине... Мы будем счастливы, мы уедем в медовый месяц в путешествие и у нас родятся дети. Двое. Мальчик и девочка. Мы будем очень счастливы. Я буду навещать мамочку, она будет любоваться внуками. Но вместо этого... вместо этого я превратилась в жаждущее мести существо, а мой любимый мужчина в жестоко палача, который хотел только одного – разорвать меня на куски.

И вот она я, разорванная и сшитая заново какими-то уродливыми стежками. Душа-Франкенштейн. Стою перед НИМ, лежащим в постели, измучанным, наколотым лекарствами и обезболивающими. Стою перед ним и понимаю, что мои мечты сбылись каким-то чудовищным образом. Они, вывернутые, наизнанку вместо марша Мендельсона выкручивали душу аккордами Реквиема.

Перед тем, как нас расписала равнодушная, похожая на робота женщина в красном костюме адвокат зачитал мне пункты брачного договора. Скорее я была не женой, а прислужницей, нянькой, шлюхой, сиделкой, санитаркой, но никак не той, кто имеет равные права с мужем. На десятках пунктов было полностью расписано какие права я имею..., а также, что в случае смерти супруга я не получу ровным счетом ничего. Как и в случае развода. Даже если он будет инициатором. Я уйду из его дома в том, в чем пришла. Я не смогу претендовать ровным счетом ни на что. Единственное, что мне было обещано в случае соблюдения мною всех пунктов – это официально быть признанной матерью Полины. Но разве я не этого хотела. Словно насмехаясь над моими желаниями мой искалеченный палач их исполнил и наслаждался своим триумфом.

Он знал, что победил. Знал, что не просто превратил мою жизнь в адский спектакль, а полностью подчинил меня себе. Я его рабыня, его игрушка, его тряпка. ЕГО. Он меня купил. И при этом не заплатил мне ни копейки.

Я подписала этот контракт. У меня не было выбора. Испытывала ли я ненависть в этот момент? Я сама не знаю, что я испытывала. Я была шокирована всем, что произошло. Я была раздавлена, потому что все мои планы рухнули и я снова оказалась на коленях в грязи. И даже то, что я теперь Салтыкова ничего не изменило. Гордиться было нечем.

Я задала только один вопрос, не знаю почему я его спросила. Наверное, больше ничего не приходило в голову.

– Зачем венчаться, если в контракте есть пункты о разводе...

– Хочу, чтоб ты принадлежала мне до самой моей смерти! Алина! Или до того момента пока я не передумаю, и ты мне не насточертеешь. Ведь есть и такой вариант, разве нет? Не допускала, что ты можешь попросту мне надоесть?

Сказал Влад и его искалеченное, бледное лицо в бинтах скривила ухмылка оскал.

– Ну если ты этого хочешь..., – тихо сказала я и улыбнулась ему в ответ. Вымученно и жалко. На войну сил не осталось. Я проиграла. Уже даже потому, что он больше не был тем Владом, с которым я вышла на поле боя. Я никогда не видела его таким, я никогда не предполагала, что он может оказаться на больничной койке, прикованный к ней и совершенно беспомощный.

И я... я почему-то ощущала себя виноватой. Не знаю почему. Это какое-то внутренне чувство вины, наверное, его испытываешь всегда рядом с человеком, который перенес увечья. Вина в том, что это произошло не с тобой, а с ним, и что ты стоишь перед ним совершенно

здоровая, на обеих ногах, и чтобы сейчас не произошло тебе все равно никогда не будет в половину так же больно как ему.

– Поцелуй, жениха, невеста! – скомандовал он и я подошла к постели, судорожно глотнула воздух, набирая полные легкие и коснулась губами его губ. Думала, что на этом и все, но он вскинул руку, сдавал мой затылок и нагло ворвался языком мне в рот, толкаясь по самое горло, насилуя, не целуя, а подчиняя себе, словно ставя на мне клеймо и показывая, что он не беспомощен. Укусил до крови, заставив всхлипнуть и отпустил. Прижала пальцы к губе, вытирая кровь, глядя как он облизнул свой рот и триумфально посмотрел на меня, словно говоря всем своим видом «Твой ад только начался, детка!».

Ни ресторана, ни гостей. Только его друг Бодя. Он открыл бутылку шампанского налил мне и себе. Влад отсалютировал нам бокалом с водой. Мне кажется я не на свадьбе, а на похоронах. Потому что ощущаю это адское напряжение. Эту ярость, что клокочет в нем. Бодя попрощался с нами и ушел. Я осталась с ним наедине. Наверное, сейчас я боялась его намного больше, чем когда-либо раньше. Человек, который так много потерял может быть исключительно жесток.

– Закрой дверь на замок! – приказал и снова усмехнулся. И мне не нравилась эта усмешка. По телу пробежал холодок.

Выдохнула и прошла к двери, закрыла ее изнутри на ключ.

– Разденься наголо.

– Влад...Мы в больнице.

– У нас брачная ночь, разве нет? Я хочу, чтобы ты все сняла. Снимай!

– Нет! Не здесь!

– Здесь и сейчас! Слова нет больше не будет в твоём лексиконе. Ты помнишь договор...каждое нет чего будет тебе стоить.

Я помнила. Каждое «нет» будет стоить мне общения с дочерью. Каждое «нет» станет для меня могилой. Чем больше «нет» тем больше дней без нее. Один звонок Влада и девочку везут из дома в неизвестном для меня направлении и увижу я ее только тогда, когда он разрешит. А это может быть и через год.

Сняла платье через голову, расстегнула лифчик, стянула с себя трусики. На его шее дернулся кадык, и он судорожно глотнул слюну. Так что я услышала этот глоток. Смотрит на меня из-под опущенных ресниц.

– Повернись спиной, потом медленно боком. Я хочу вспомнить какая ты красивая сука и насладиться тем, что ты принадлежишь только мне.

Волна его боли ударила по мне такой же взрывной волной. Я словно ощутила, как он там лежит, беспомощный. И, наверное, это единственное для него удовольствие – заставить меня страдать, заставить меня ощутить себя тряпкой, вещью. Которая принадлежит ему и что он имеет власть даже будучи в таком состоянии.

– В тумбочке внизу лежит твой подарок. Достань его.

Никакого предвкушения, видя как сверкают похотью и яростью его глаза я понимаю, что подарок мне не понравится, но еще и не подозреваю насколько.

Я достала из нижнего ящика пакет с картонной коробкой, а когда развернула ощутила как внутри все камнеет.

– Большой и толстый двойной член для моей невесты. Сразу в две дырки. Мой сейчас не стоит от лекарств и неизвестно когда встанет, а я хочу, чтоб ты ощутила всю полноту первой брачной ночи. Выеби себя этим членом. Трахай пока не кончишь. Ты получишь награду, обещаю. Если выполнишь.

Тяжело дыша смотрю на проклятое дилдо с моторчиком. Его заботливо зарядили, и оно было готово к использованию.

– Смазку не взял. Но я думаю ты справишься. Да, моя девочка? Ты же повеселишь своего мужа, ублажишь его?

К горлу подкатила волна тошноты и все внутри замерло. Это было не просто унижение. Это было нечто гораздо более мерзкое.

– Я жду. Не зли меня. Этот брак может стать для тебя самым настоящим бессмысленным пеклом, если ты не будешь мне подчиняться.

Лицо исказилось от боли и на глаза навернулись слезы. Я знала, что он имеет ввиду. Он намекает на дочь.

Это был час насилия. Самый жуткий и мерзкий час в моей жизни, когда я сама себя унижала, причиняла себе боль, покрывалась потом, стонала, потому что меня заставляли стонать, трахала свое тело проклятыми резиновыми пенисами, которые были настолько огромны, что не влезали в меня. Вместо смазки приходилось использовать свою слюну. А он командовал.

– Соси, трахай, снова соси. Стань раком. Вгони его в глотку. Трахай себя пальцами. Когда ты уже кончишь, сука?!

Это был жуткий оргазм. Болезненный, выстраданный, вымученный. Он не принес наслаждения, он ничего не принес кроме разочарования и слез. Я распласталась на полу и плакала, вздрагивая от мерзких спазмов. Я чувствовала себя изнасилованной, оплётанной, испачканной. Наверное, если бы он взял меня сам насильно, то это и в половину не было бы так мерзко.

– Та ладно... можно сказать тебя целый час имели. Это должно принести радость... наслаждение, нет?

Хрипло говорит и смотрит на меня все так же. Бледный, весь осунувшийся, с заостренными чертами лица, покрытый каплями пота. Я медленно встаю с пола, иду в душевую. И там долго смываю с себя эту грязь, это адское разочарование и боль. Мне очень плохо. Меня буквально трясет от этого состояния. Никогда в жизни меня еще так не унижали и не смешивали с дерьмом. Моими же собственными руками. Ведь я могла отказаться? Я могла выйти отсюда с гордо поднятой головой. Я даже могла отказаться от этого брака и сесть в тюрьму, а потом выйти свободной. Но я сделала свой выбор. И палач здесь не он. Палач – это я. Слабовольная дура, которая недооценила противника и не продумала все ходы. Я сама себя казнила.

Когда вышла, остановилась в дверях, глядя на его лицо в профиль и застыла всем телом, превратилась в каменное изваяние. Он, наверное, не услышал, как я вышла...потому что не отреагировал, потому что я заметила, как по его щетинистой щеке скатилась слеза и, пробежав по подбородку и сильной шее, спряталась за воротником футболки, оставив мокрую дорожку. Глаза словно остекленело впились взглядом в никуда.

Его пальцы сильно сжимали простынь и, казалось, все его тело сейчас подскочит или сломается напополам. Треснет. Я долго так стояла, а он так же долго смотрел в потолок и по его щекам катились слезы. Я молчала, чтобы не знал, что я вижу...Боль внутри стала сильнее, оглушительней, она захлестнула меня с головой и я вдруг поняла, вдруг произнесла это внутри, охрипшим голосом. Сама себе. Мы прокляты. Мы с ним просто оба прокляты. Обреченные страдать и мучать друг друга.

И ведь кто-то это сделал...кто-то превратил нас обоих в инвалидов, в искалеченных безумцев, связанных друг с другом. Я подобрала с пола чудовищный подарок, вымыла его, спрятала обратно в коробку. Потом достала из сумочки томик Ремарка села на стул и просто начала читать вслух.

Он молчал и все так же смотрел в потолок. А я просто читала. Это было дико после всего что произошло в этой комнате, это было обреченно и безумно, как-то необратимо. Но я вдруг поняла, что должна читать. Ему. Просто сесть с ним рядом и читать «Триумфальную Арку», написанную в такой же агонии в какой мы с ним оба пребывали сейчас. И я не знаю что нас ждет завтра.

Глава 4

Его выписали домой. Никакой радости, никакого веселья. Я присутствовала при том, как врач говорил, как обрабатывать ноги, как смазывать шрамы. Какие упражнения делать. Посередине Влад его оборвал.

– Хватит. Какие на хер упражнения! К херам все. Давайте вашу выписку и валите отсюда!

Доктор замолчал, но перечить не посмел. Я виновато на него посмотрела, но он на меня даже не обратил внимание. Ну это и логично они все видели, как ко мне относятся их пациент. А для него я просто тряпка. Он даже по имени ко мне не обращался.

– Эй ты, подай мне воды.

Вот так он со мной говорил. И я подавала. Нет, не потому что боялась его, не потому что думала о том, что он накажет меня и лишит общения с малышкой. Мне было безгранично жаль этого сильного человека. Я никогда не хотела бы оказаться на его месте. Нужно было очень хорошо знать Влада чтобы понимать – он чувствует себя мертвым. А еще... в своей смерти он винит меня.

Когда все было готово для выхода из больницы я все же пришла сама к врачу, прикрыла дверь кабинета.

– Здравствуйте, Константин Петрович.

– Ааа, вы сиделка Салтыкова?

– Нет, я его жена.

Глаза доктора округлились и выражение лица все же изменилось из раздраженного на более заинтересованное.

– Я бы хотела получить все наставления по уходу за ним и по реабилитации. Расскажите, что вообще происходит и чего ожидать в будущем.

Врач выдохнул надув щеки, потом поджал губы, опустил голову к столу и снова посмотрел на меня.

– Наставления вы получите. Я отправлю вам в печатном виде на мейл, если хотите. Насчет того, что происходит... На самом деле проблема не так физическая, как психологическая. Все же он лишился не обеих ног, а одной. Это не делает его прикованным к постели. Но есть психологические и невралгические нарушения особенно после черепно-мозговой травмы. Чего вам ожидать в будущем... даже не знаю. Мы провели всеобщее обследование. Есть нарушения с движениями так же из-за травм. Есть проблемы с эрекцией и могут быть и дальше. Тут надо работать и психологически и с врачами. В целом состояние удовлетворительное. Вам бы психиатра хорошего, невролога, какие-то группы поддержки. Ну и супружеская жизнь будет непростой... я бы сказал.

Как-то так.

Я кивнула и опустила голову. Если он все это таким же тоном сообщил Владу то могу представить его реакцию, а так же понимаю почему он так вел себя со мной... Самое страшное для мужчины это узнать о своей несостоятельности, особенно для такого мужчины как Влад. Это смерти подобно.

– Спасибо. Но каковы ваши прогнозы? Как вы думаете все можно восстановить?

– Да, все возможно. Главное настрой пациента, его желание. Участие в лечении и реабилитации.

Я вышла из кабинета и сама тяжело выдохнула. Я не знаю, чего я хотела. Не понимаю собственных эмоций, чувств и того что ожидает меня завтра. Но от меня ушла ненависть. Я вдруг перестала ее ощущать, она больше не жгла мне душу, она не отравляла ядом мои легкие. Я больше не испытывала всепоглощающей жажды мести.

Мой сотовый зазвонил и я посмотрела на номер. Брат.

– Да, Пашка.

– Привет. Ну что? Выписали?

– Да, выписали.

– Что будешь делать?

– Поедем домой.

– Ты не хочешь попробовать...

– Нет! Не хочу. Теперь не хочу.

– Я бы помог. Тебя бы нигде не нашли ни тебя, ни ребенка.

– Нет... я не могу.

– Ты дура, да? Он унизил тебя, втоптал в грязь, сделал из тебя тряпку.

– Без меня он умрет...

– Разве не этого ты хотела?

– Теперь не хочу.

Увидела, как водитель закрывает двери машины и поспешила туда.

– Потом поговорим...

– Есть кое-что.

– Что?

– Помимо нашей фирмы была еще одна. Кто-то копает под Салток помимо нас.

– Давай потом об этом, хорошо. Мне пора.

Дома его встречали. Но он с такой яростью заорал

– Все пошли вон! – что слуги разбежались куда глаза глядят. Бодя толкнул коляску в дом, потом они вдвоем поднимались на второй этаж. Он придерживал Влада и тот прыгал по ступенькам на одной ноге. Я молча шла сзади. Когда Бодя расположил Влада у него в комнате, помог улечься на постель, я ждала его за дверью. Он окинул меня презрительным взглядом и хотел пройти мимо, но я удержала его за руку.

– Надо разместить его на первом этаже. Я осмотрела комнаты. Помогите обустроить.

Прищурился с недоверием глядя мне в глаза. Как будто не ожидал что я это скажу. Как будто замер на какие-то доли секунд.

– Внизу есть две комнаты. Они смежные. Их можно оборудовать под спальню и кабинет.

Ему не нужно будет подниматься вверх. Просто... кто-то должен всем заняться.

– Я займусь. Сегодня же все будет готово.

– Спасибо.

– Если ты что-то задумала... в доме есть камеры, и я могу следить за всеми твоими передвижениями.

Я ничего не ответила на эти его слова, только тихо спросила.

– Когда сюда привезут мою дочь?

– Когда Влад решит, что готов к встрече.

– Он обещал мне, что мы будем видеться. Девочке нужен дом, а не няньки!

– Влад решит этот вопрос.

– Влад сейчас ничего не решает... он не хочет решать!

– Ты мне это говоришь? Ты... ты кто сделала с ним это? Молчи ... если бы не он я бы сам лично оторвал тебе голову.

Он прошел мимо меня и направился к выходу из дома на ходу доставая сотовый и набирая кого-то.

– Мне нужны люди для перестановки мебели. Нужен дизайнер. Срочно. И нужен человек, который все оборудует для инвалидной коляски.

Больше всего я, наверное, боялась вечера. Боялась, что он позовет меня или наоборот не позовет.

Меня поселили в комнатку смежную со спальней Влада. Ее обустроили так, чтоб я в любое время могла прийти к нему. Так же слышать звонок, когда он меня зовет. Я уже бывала здесь. Меня привозили принять душ, отдохнуть. Со времен моей работы здесь мало что изменилось. Я познакомилась со слугами и распорядком дома, некоторые помнили меня. Хозяйка была консервативной и люди работали здесь долгими годами. Здесь всем распоряжалась Маргарита и все правила были установлены ею. Как и раньше. За всем следила Лариса доверенное лицо Маргариты Юлиановны. И когда она меня увидела, то злобно поджала губы. Мы с ней друг друга помнили.

Вечером я вышла чтобы пройти в кабинет и там посмотреть нужную мне информацию в компьютере и наткнулась на Ларису. Она давала распоряжение слугам насчет утренней работы. Смирила меня гневным взглядом, но ничего не сказала. Я прошла в кабинет... Еще пока Влад был в больнице я изучала сайты, изучала его проблему, читала блоги людей с такими же увечьями. Даже с несколькими познакомилась. Я хотела понять, как себя вести и как общаться с ним, чтобы не задеть, чтобы не причинить боль.

«Самое главное НЕ ЖАЛЕТЬ» это стало как девиз. Не смей показывать жалость. Как обустроить быт, удобные места в доме, что нужно сделать, чтобы облегчить принятие душа. Помимо меня был еще помощник, он помогал Владу мыться, справлять нужду. Я бы и сама могла, но он отказался. И я старалась не нарушать его границы.

Зашла в соцсеть и написала Георгу, парню с которым мы познакомились несколько недель назад. Он пострадал в аварии пять лет назад и уже полностью приспособился к жизни. Вел свой блог и несколько страниц в соцсетях, помогал людям адаптироваться к жизни. Я хотела задать ему несколько вопросов, но не знала как подступиться чтобы не обидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.